

Глава VI. Морские пастухи

Пол Уотсон говорит, что не помнит, когда он впервые услышал о «Сьерре», печально известное пиратское китобойное судно, бороздившее воды Атлантики почти двадцать лет. Оно было как древний корабль-призрак, всегда где-то там, постоянно волнуя коллективное сознание активистов борьбы с китобойным промыслом. Летом 1979 года Пол Уотсон, ведомый не более чем «нутряным чутьём», поставил своей целью изменить всё это и отправился в море, чтобы выследить и обезвредить 678-тонное промысловое и перерабатывающее судно, которое не давало ему покоя. Его связь с китами была давней и сильной; она укрепилась видением, пришедшим к нему в душном вигваме, когда его посвящали в члены индейского племени Оггала Сиу. Это случилось после индейского восстания у Вундид Нии в 1973 году. Он стал членом племени благодаря тому, что проник в осаждённый лагерь и проработал там врачом во время восстания, длившегося 71 день. К нему явился буйвол и сказал, что «он должен заняться млекопитающими моря, особенно китами».

Это было глубочайшее послание, говорит Уотсон, особенно если принять во внимание того, кто его принёс. «Равнинные индейцы были первыми людьми, которые вели войну не за себя, — они спасали буйволов».

В этой притче открытых морей «Сьерра» была морской версией беспощадных иноземцев, стёрших с лица земли и индейцев, и бизонов в своём неумолимом стремлении «покорить Запад». Как и Буйвол (Buffalo) Билл, «Сьерра» была террористом, осуществлявшим геноцид, не связывая себя никакими писаными или моральными законами. Всего за три года эти китобои убили 1676 китов, продавая мясо японцам по цене 138 тыс. иен за метрическую тонну. В то время, когда росло международное движение за прекращение китобойного промысла, «Сьерра» действовала с полным пренебрежением по отношению ко всем ограничениям и квотам, установленным Международной комиссией по китобойному промыслу (МККП). Уотсон чувствовал, что такое беззаконие можно остановить, только сделав ареной борьбы открытое море. Всего месяцем раньше он убедил Кливленда Эмори, филантропа, президента Фонда спасения животных, вложить средства в судно, которому Уотсон дал новое имя «Морской пастух» (Sea Shepherd). Эмори любил всех животных и страстно желал защитить их любым доступным ненасильственным способом. Как сказано в его введении к книге Уотсона «Морской Пастух», «мне нужна была крепкая, упрямая команда, способная взять на себя, жертвуя собою, если нужно, борьбу со всем злом и жестокостью, которым такое множество животных подвергается регулярно и беспощадно». В Уотсоне Эмори видел идеального борца за спасение животных на море. Во время встречи с ним в июне 1979 года Эмори попросил своего капитана отправиться на судне к Алеутским островам и заблокировать избиение морских котиков. Но Уотсон, широкогрудый, грубоватый, с детским выражением лица, чувствовал, что «Сьерра» у него в печёнках сидит. Его судно было готово к отплытию. «Дай мне месяц», — умолял он своего благодетеля. Он жаждал отыскать «Сьерру» и послать её ко дну, чтобы отомстить за нежных левиафанов,

встретивших свою смерть на конце пиратского гарпуна. Эмори сдался, и вскоре отчаянная охота была в полном разгаре.

«Морской пастух» начал свою жизнь в 1960 году как 779-тонный морской рыболовный траулер длиной 206 футов для ловли трески. Уотсон купил его в декабре 1978 года за 120 тыс. долларов, предоставленных ему Эмори. Его жизнь в океане кончилась всего через год на дне гавани Лейксос в Португалии. Он был затоплен по приказу своего собственного капитана Уотсона во избежание превращения его в пиратское китобойное судно. Но это — уже развязка истории об охоте на «Сьерру». История эта начинается 15 июля 1978 года, когда Уотсон обнаружил судно, занимавшееся китобойным промыслом у побережья Португалии. Двадцативосьмилетний капитан отыскал своего противника после двухнедельной погони по всему океану. Он руководствовался только ненадёжной информацией, что «Сьерра» должна быть где-то неподалеку от Иберийского полуострова. Волнение в ожидании неизбежного конца охоты должно было быть огромным, но суда были слишком далеко от берега, и Уотсон не мог начать действовать. Строгий кодекс ненасилия не позволял ему врезаться в своего врага там и тогда, в морозном и пенном море далеко от порта, рискуя жизнью команды своего судна и «Сьерры». Уотсон рассчитал, что достаточно скоро он будет иметь свой шанс.

На следующий день этот шанс появился, но едва не был утрачен. После того, как они всю ночь преследовали беззаконное судно, медленно продвигавшееся к берегу, португальские власти хитростью заманили Уотсона в порт около полудня. Они заставили его поверить, что и «Сьерра» направляется туда же, хотя на самом деле она должна была вскоре отплыть. Уотсон, более чем когда-либо полный решимости догнать пиратов, ринулся из гавани без разрешения. Он простоял на причале около часа — достаточно долго для того, чтобы почти вся его команда — двадцать человек — отправилась на берег. Только двое предпочли остаться с ним, рискуя получить неизвестно какое наказание. И вот они бросились вдогонку за Сьеррой.

Уотсон направился к выходу из гавани, — и обнаружил пирата спокойно стоящим на якоре в четверти мили от берега, убивая время в ожидании назначенного часа, чтобы поднять пары навстречу японскому судну и сгрузить на него забитых китов. Уотсон, не теряя времени, направился прямо к «Сьерре», команда которой загорала на палубе. Первый удар он нанёс железобетонным носом своего судна; при этом он рассчитывал снести гарпунную площадку «Сьерры». Столкновение сильно повредило пиратское судно, однако сломать рабочее место палача не удалось. Уотсон сильно разогнался снова, на этот раз прицеливаясь в среднюю часть «Сьерры». Её команда металась в панике. Они, должно быть, пытались завести двигатели, но никаких результатов не было заметно. Неподвижно сидящая на якоре «Сьерра» была лёгкой мишенью. «Когда ты таранишь другое судно и можешь контролировать свои действия в спокойной воде, — поясняет Уотсон, — это совсем не то, что столкновение двух автомобилей. Тут 750 тонн металла ударяют 680 тонн металла. Тут масса стали, поглощающей шок от удара». Может, он и был нежным, этот второй удар, но всё же он оказался сокрушительным — сочетание скорости и массы, мощное, как бомба. В результате столкновение образовалась дыра шесть футов шириной на восемь футов длиной. Все увидели китовое мясо, висящее внутри. Когда Уотсон повернулся, чтобы нанести окончательный удар и добить противника, «Сьерра» наконец запустила двигатели и кое-как

дотащилась до гавани.

Внезапно настал черёд Уотсона оказаться вне закона. Со своей крохотной командой он на полной скорости гнал «Морского пастуха» к берегу в надежде достичь испанских территориальных вод, избежав таким образом любых штрафов, которые могли наложить на них португальские власти. Их отчаянный рывок окончился за восемь миль от границы, когда португальский эсминец потребовал, чтобы Уотсон развернул своё судно, иначе он будет обстрелян. «Морской пастух» был эскортирован обратно в Лейксос и ошвартован в дальнем конце гавани, подальше от сильно повреждённой, оцепленной «Сьерры».

«Морской пастух» стоял там четыре с половиной месяца, пока португальцы обсуждали, что им делать. В соответствии с морскими законами, в определённых преступлениях в открытом море обвинялось судно, а не его капитан, поэтому Уотсон был освобождён. Он проводил большую часть времени, следя по телевизору и по радио за подробностями своего подвига. Наконец, в декабре он официально получил условия, или условие: «Морской пастух» будет ему возвращён — заплати только 750 тыс. долларов компенсации ущерба и штрафов. Отказ от уплаты этой суммы означал передачу судна в руки владельцев «Сьерры». Уотсон прилетел в Португалию, чтобы осмотреть своё судно и обнаружил, что многие важные компоненты были украдены ворами, в том числе и морской полицией, которая уже пользовалась радио, снятым с «Морского пастуха».

Если бы даже он и смог собрать три четверти миллиона долларов чтобы получить обратно своё судно стоимостью 120 тысяч долларов, расходы на ремонт были бы огромными. Отдать судно в руки пиратов — китобоев — об этом не могло быть и речи. Уотсону было ясно, что делать. Он был близок к инфаркту, — насколько это возможно для торгового моряка, — так как понимал, что единственным выходом для него было затопить свою гордость и радость, послав её на дно гавани, и бежать ко всем чертям.

В разгар новогоднего столпотворения, под покровом новогодней ночи главный инженер «Морского пастуха» Питер Вуф вскарабкался на борт судна и прокрался в машинный отсек. Там он открыл клапан, перекрывавший доступ морской воде внутрь двигателя. Солёная вода хлынула в отсек. Вуф покинул судно до того, как оно затонуло, и тут же уехал из страны. Но Уотсон хотел бросить ещё один, прощальный взгляд на свой корабль. На следующий день после затопления он проехал мимо порта. Всюду было полно полиции; работа была сделана хорошо — это было очевидно. Уотсон избежал чрезвычайных мер безопасности, принятых хвалёной португальской полицией, и уехал в Лондон.

Шестого февраля 1980 года бомба взорвала корпус полностью переоснащённой «Сьерры», стоявшей на якоре в лиссабонской гавани, готовой отплыть, чтобы снова убивать. Она пошла ко дну за 10 минут. Незвестный, позвонивший в Юнайтед Пресс Интернейшнл, сказал: «Сьерра» не будет больше убивать китов! Мы сделали это за «Морского пастуха». В последующие несколько недель те же три активиста, что отправили на дно «Сьерру», затопили два из пяти испанских китобойных судов. В то время, когда были совершены все три взрыва, Уотсон находился далеко за океаном. Никто не пострадал, а виновные так никогда и не были найдены.

Мятежники Гринпис

История «Морского пастуха» — это очень уотсоновская история. Его в высшей степени уверенное, ясное видение цели вдохновляет организацию, его энергия и знание того, что создаёт новости, привлекают внимание публики, сочетание его отваги и абсолютной преданности делу иногда подвергают его и его команду опасности, которую легко могли бы избежать люди, менее преданные делу. Для «Морских пастухов» разрушение собственности и радикальная тактика — это образ жизни, возможность быть замеченными, услышанными, и — что важнее всего — возможность спасти жизнь. Но первое его успешное нападение и разрушение собственности от имени животных в 1977 году не произвело впечатления на его коллег, директоров Гринпис. Уотсон присутствовал на формальном открытии Гринпис, но даже тогда те, кто стояли во главе организации, сочли его «чересчур радикальным». Во-первых, Уотсон имел привычку ходить в пиджаке с пришитым к нему флагом Северного Вьетнама, и хотя борьба против войны во Вьетнаме играла важнейшую роль в создании Гринпис, с самого начала они хотели хранить «чистоту» своего имиджа.

Но Уотсон был крупным, сильным, способным моряком, полным энтузиазма. Иногда он играл даже ещё большую роль в организации, служа в первой флотилии Гринпис, противостоявшей советскому китобойному флоту в 1975 году. Он был рулевым одного из «Зодиаков» (Гринпис прославил эти скоростные надувные моторные лодки), бросавшимся на защиту китов, и видел с расстояния всего в нескольких ярдах, как два взрослых кита — самец и самка — были убиты гарпунами со взрывчаткой. Гарпун попал в самца в тот момент, когда он отчаянно бросился на огромное советское китобойное судно, и в свои предсмертные мгновения он смотрел прямо в глаза Уотсону, как бы говоря молодому моряку: «Теперь это твоё дело — встать на нашу защиту».

В 1977 году Уотсон состоял в совете директоров Гринпис, и ему было доверено руководить экспедицией, направлявшейся, чтобы воспрепятствовать убийству бельков — беспомощных детёнышей морских котиков. Эти беззащитные, белоснежные пуховые шарики с глазами лани стали почти так же ассоциироваться с Гринпис, как и киты. Акция протеста была проведена на торосистом лабрадорском льду у берегов Ньюфаундленда. Один раз Уотсон выхватил из рук охотника деревянную клюшку, которой убивали малышей, и забросил её в ледяную воду. Затем он переместил разбросанные шкурки котиков с одних торосов на другие, чтобы затруднить охотникам их работу. Он хотел как можно больше помешать этой работе, никому при этом не причинив вреда. Когда Уотсон обнаружил трос, который использовался для подачи бельковых шкурок на судно, стоявшее неподалеку, он взял пару наручников, притороченных к его поясу, и пристегнулся к этому тросу. Он был уверен, что уж после этого избиение котиков прекратится.

Но оператора лебёдки это не остановило — он включил двигатель и поволок шкурки — и Уотсона — на судно. При этом Уотсон быстро потерял обувь, его тащили по жирным отбросам, потом подняли на десять футов над водой, всё время ударяя о борт судна. Трос остановился, потом неожиданно ослаб, и Уотсон оказался по пояс в ледяной воде. Его снова вытащили — и бросили в воду. И снова, и снова, — под крики и улюлюканье убийц, измазанных кровью, глазевших на всё это с палубы. Вдруг, когда Уотсона в очередной раз

тащили из воды, его пояс порвался, и он снова упал в кровавую, жирную воду. Участники акции бросились спасать своего полу- замёрзшего товарища. Потом им пришлось полчаса торговаться с капитаном судна, прежде чем им, наконец, было разрешено поднять Уотсона на палубу. Всё это время он то терял сознание, то снова приходил в чувство. Онемевшее от холода тело протащили по окровавленной палубе мимо бесновавшихся матросов и бросили в каюту, где он провёл ночь.

Когда Уотсон вернулся после этой кампании в штаб-квартиру Гринпис в Ванкувере, Канада, наградой за его самоотверженность и мужество, когда он едва не был убит, защищая котиков, было исключение из организации. У Гринпис, единственной в то время «радикальной» организации в природоохранном движении, тоже были свои пределы. Как пишет в своей истории первых лет деятельности Гринпис Роберт Хантер, близкий друг Уотсона, он «казалось, был одержим слишком мощным стремлением, неудержимым желанием вырваться вперёд, в центр, растолкав плечами всех остальных». То, что проделал Уотсон с клюшкой и шкурками, выбросив в воду первую и разбросав по торосам вторые, — по канадским законам считалось преступлением, и это стоило Гринпис в США его статуса некоммерческой организации, то есть не подлежащей налогообложению. Более того, Уотсон был «повстанцем», говорит Хантер, всюду, где бы он ни появился, поднимавшим бунт против организационной иерархии. Член племени/анархист должен был покинуть организацию.

Это, наверное, было для Уотсона страшным ударом. Вознаграждением за все его мужественные подвиги во имя спасения китов и котиков было исключение. Сейчас он говорит, что он не держит обиды на Гринпис, но тон его голоса выдаёт его. Пол Уотсон — самый отчаянный критик деятельности Гринпис. Организация отошла от своих основателей, потому что они проводили слишком много времени в поле, делая то, для чего Гринпис был создан, говорит он. Если бы они перестали верить в то направление, в котором двигался Гринпис, то самая знаменитая природоохранная организация в мире могла бы сегодня иметь совсем иной подход. «Мы создавали Гринпис потому, что хотели иметь небольшую группу людей, ориентированных на конкретные действия, которые бы прибыли на место и, привлекая внимание средств массовой информации, сделали бы ту или иную проблему спорной, широко обсуждаемой, чтобы добраться до её корня. Так оно и было первые семь лет или около того. Мы успешно делали своё дело. А потом однажды мы проснулись. «Уотсон проснулся слишком поздно, — на том совете директоров, когда его вышвырнули. Он вспоминает, как он тогда сказал остальным директорам: 'Это была кровавая экспедиция, я никому не нанес вреда, я мог делать, что хотел'. А один из юристов сказал мне: 'Думаю, вы не понимаете, что такое Гринпис'. А я ему ответил: 'Ну, чёрт подери, я один из основателей этой организации, а ты, — кого я даже не знаю, проклятый законник, — ты мне тут рассказываешь, что я не понимаю, что такое Гринпис! Кому нужна эта организация?»

Ни один из основателей Гринпис не остался в числе его директоров. Уотсон говорит, что бывшие «Воины Радуги» стали нынче просто лицемерами, гребущими деньги и общественное признание, — жертвы собственных размеров и инертности. «Они — не более, чем дамы Эйвон в природоохранном движении, — добавляет он. — Стучат в каждую дверь и просят подачек. Я нахожу всё это совершенно унижительным. Они — прекрасный пример эко- корпорации, эко-бизнеса». Он негодует на то, что Гринпис собрал «три или четыре

миллиона долларов для прекращения избиения китов у Фаросских островов, но отнюдь не торопится туда отправляться».

Критика Уотсона несколько необъективна — он игнорирует тот факт, что организация продолжает оказывать влияние на всё расширяющийся круг природоохранных проблем. Однако, что касается философии и тактики радикальной охраны природы, то, без сомнения, Гринпис остался позади. Как таковой, конфликт между Гринпис и «Морскими пастухами» продолжается: Гринпис провёл абсолютно успешный бойкот исландских рыбных продуктов в знак протеста против китобойной политики этой страны, и некоторые из его активистов даже мешали выгрузке исландской рыбы из рефрижератора, чтобы предать гласности этот вопрос.

Материал для средств массовой информации

Что Уотсон несомненно заимствовал у Гринпис — так это своеобразный вкус к драматическим, захватывающим акциям, которые немедленно становятся горячими новостями. Это не единственная причина для прямых акций, так же как «сидение на деревьях», осуществляемое «ЗПВ», проводится не просто для того, чтобы получить эфирное время. Однако ни одна конфронтация не планируется без осмысления роли прессы в ней. Первые активисты Гринпис стали мастерами этой игры под глубоким впечатлением афоризма, придуманного их соратником из Канады Маршаллом МакЛуганом: «Средство информации — это сама информация». Они понимали, что средства массовой информации, особенно телевидение, обладает огромными возможностями обратиться к большому количеству людей и повлиять на них до такой степени, которую невозможно было даже вообразить ещё в прошлом поколении. Уотсон цитирует Боба Хантера — изощённого изобретателя первых кампаний Гринпис с использованием СМИ: «Когда вы поводите акцию, она через камеры попадает в умы миллионов людей. То, что прежде было «с глаз долой — из сердца вон», теперь становится общеизвестным. Следовательно, можно использовать СМИ как оружие». СМИ жаждут сенсаций, вот Уотсон и думает — почему же им не дать то, чего им хочется. «К примеру, один из наших методов — драматическая конфронтация, — говорит он, повторяя Дэвида Броуэра и Майка Розелла. «Чем более драматичным вы её сделаете, чем более спорной она будет, тем большей известности вы достигнете. Если вы сможете сделать о ней фильм — ещё лучше. Драма становится зрелищной. В это зрелище вы вплетаете своё обращение и зажигаеете им умы миллионов людей. Хантер однажды сказал: 'Если для нашего дела потребуются глупые методы, — что ж, мы применим глупые методы, будь это опрыскивание краской детёнышей тюленей или ещё что-нибудь'. Зато они обратят на это внимание».

Никаких компромиссов и переговоров

Немногие в природоохранном движении заходят так далеко в своём неприятии каких бы то ни было компромиссов, как «Морские пастухи». Как их родственные души в «ЗПВ!», они твёрдо стоят на своих принципах, выходят в море. И подобно «ЗПВ!», «Морские пастухи» признают, насколько важно иметь спектр разнообразных природоохранных групп. Президент «Морских пастухов» Скотт Тримингэм говорит: «Наша стратегия относительно переговоров — никаких переговоров. Когда вы не ведёте переговоров, вы имеете шанс получить хоть немного больше того, что вы получили бы, идя по пути компромиссов. Это даёт людям возможность говорить: 'Конечно, можно иметь дело с этими «Морскими пастухами», которые не станут вести с вами никаких переговоров. Но почему бы вам не иметь дела с нами? Мы ведь, кажется, куда рассудительнее'. Это даёт им возможность добиться ещё каких-нибудь достижений».

Хотя «Морские пастухи» имеют возможность выходить в море только на короткое время каждый год, что очень ослабляет их потенциал, всё же они пользуются большим уважением среди своих противников благодаря своим методам. Например, в 1987 году они успешно изгнали из вод Аляски японских рыбаков, применяющих дрейфтерные сети, ни разу в глаза не увидев японского судна. Эти сорокаметровые жаберные сети убивают несметное количество морских созданий, не имеющих ни малейшего отношения к предмету лова.

При всей непримиримости «Морских пастухов» они, однако, показали, что их «бескомпромиссность» не исключает переговоров. В 1982 году Уотсон применил свою версию дипломатии с позиции силы к решению проблемы ежегодного убийства дельфинов японскими рыбаками у острова Ики. Сочетая средства устрашения (своё судно) со спокойствием дипломата — так ли уж, в самом деле, первое отличается от второго? — Уотсон успешно прекратил убийство.

Версия #1

Зверобой создал 20 апреля 2025 19:30:31

Зверобой обновил 20 апреля 2025 19:32:03